

РОМАН В ПИСЬМАХ

(1941—1945 гг.)

Продолжение. Нач. в №№ 60 — 61, 63—64, 66—67.

«10 апреля 1942 года. Казань.

Война еще со, мной. Весело я жил! Свист пуль, разрывы снарядов, грохот... Суровая фронтовая жизнь. Теперь бы только побыстрее восстановить здоровье. Пока что терплю поражение, но дух и воля у меня большевистские. Коммунистом я сражался с заклятыми фашистами. Прости, не могу спокойно произносить слово «фашизм». «5 мая 1942 года. Казань. В отношении здоровья пока похвастать не могу, хотя раны уже не являются опасными для жизни. Пока я еще слаб. Пробовал перед маем выйти на улицу. Оказалась — весна, а я представлял: все зима, лютые морозы, глубокие снега, дремучие леса. Просто все родное сибирское запечатлелось в памяти. Сейчас лежу и об одном жалею: мало я еще гансов и мюллеров перебил. Какая ненависть, какая злоба к ним. Я еще отомщу им за все страдания моего народа, да и бойцы за раны своего командира тоже отомстят.

Зоенька, будь достойна всего, что воодушевляло нас четыре года, будь верна нашей любви». «30 апреля 1942 года. Усть-Кяхта.

Мне хочется отдать тебе всю душевную, сердечную теплоту, то теплое участие, которое, верю, вливает тебе силу.

Ванюша, у нас с тобой одна забота сейчас, чтоб ты как можно быстрее залечил свои раны. И почему же ты упорно не пишешь, какое ранение получил. Рано или поздно ты должен написать мне правду. Представь себя в моем положении. Как бы тебя ни ранило, путь у нас с тобой в жизни один и разлучить нас не сможет ни несчастье, ни бедствие. Пиши только правду. Каждый час хочется знать, где ты, что с тобой. В зимней ночи, когда ты дрался с врагом, я думала о тебе и пролила не одну горячую слезу».

Без даты. «Улан-Удэ.

Ты пишешь, что если бы я приехала к тебе в Казань, то меня ожидало бы огорчение. Видимо, не совсем хорошо залечиваются твои раны. Ты не пишешь об этом ни слова. А в одном из писем из Казани написал, чтоб я не расспрашивала. Я знаю, трудно писать о беде, но ты дорог мне. И я имею право делить с тобою твои невзгоды. Не отстраняй меня, если считаешь частью своего сердца. А шрамы будут украшать тебя, и я буду целовать их. Это знак борьбы за Родину, за мое личное счастье. Ведь ты не допустишь, чтоб жизнь твоей девушки опошлял фашист».

«21 мая 1942 года. Казань.

Зоя, милая, любимая Зоя! Ты настойчиво спрашиваешь о моем ранении. Что же скрывать дальше. Ранение я получил не из-за неаккуратности, а по не зависящим от меня причинам. Ранен в лицо, осколки вошли в щеку, губы и т. д. Кроме крупных осколков, много мелких, более десяти. Все осколки вынимать пока нельзя. Хорошо, что сильно не повреждена челюсть (а то был бы вдобавок криворотый) и не повреждены мышцы, связанные с закрыванием и открыванием глаз (а то был бы косоглазый).

Зоя, ты сильно не расспрашивай о ранах, ничего страшного, в общем, то нет. Я еще счастливый.

Мама пишет, младшего Георгия взяли в армию. Пятого сына... Осталась старушка одна с внуками. Высылаю ей регулярно свой аттестат. Но разве в деньгах дело! Так жалко ее. Я ей пишу успокаивающие письма».

«1 мая 1942 года. Усть-Кяхта.

Сегодня Первое мая. Нынешний праздник отличается от всех других: мы на работе. Этот день был в школе днем высокой показательной учебы. А вечером в сельском клубе прошло торжественное собрание учащихся.

Премировали лучших учеников, смотрели их самодеятельность и самодеятельность подшефной военной базы. После чего танцы. Гармошки есть, да гармонистов не осталось.

Ваня. Нелегко достается нам ожидаемое жизненное счастье. Не близок к нему путь. Конца войны не видно, но цель ясна. Мы будем счастливы, и коварный злейший враг Гитлер не разлучит любимых. Это подлое чудовище дождется отмщения и будет стерто с лица земли.

Ваня, прерывалась писать: пришла почта и вернулись все мои письма: «выбыл по случаю ранения». «28 мая 1942 года, Казань. Зоенька!

Твои письма зовут к жизни, к счастью. Они воодушевляют, заставляют с мужеством и терпением преодолевать бесчисленные операции. Как же можно помирать от злодейской руки, когда жить и жить надо!

Я чувствую твою сердечность, хотя ты далеко от меня. Ты быстро как настоящая подруга отозвалась на беду. Впереди наша молодость, юность в расцвете. Главное — победить скорее Гитлера. И он будет побежден, в этом ни один патриот не сомневается.

В моей полевой сумке все твои фотокарточки. Они были со мной в бою. И хранил Я их, как самое дорогое, как саму тебя. Каждый раз когда я смотрю их, мне вспоминаются все странички нашей любви.

Дописываю утром. Вчера писал с укутанной бинтами головой. Сегодня чувствую себя получше. Андрей сообщил, что проезжает Казань по пути на фронт. Но где и как? Может я даже смог бы сходить на вокзал, но не знаю номер поезда и время. Как было бы хорошо встретиться!?».

«11 мая 1942 года. Усть-Кяхта.

Почему я не могу быть близко от тебя? Ведь и на фронте иногда бывают вместе. Получаешь ли ты мои письма? Поправляйся быстрее, «по-стахановски». Где твои братья? 22 мая закончится учебный год. Может быть, нас, незамужних, призовут в армию. Стремление к этому у меня большое, но нас в селе пока не призывают в связи с нашей учительской квалификацией. Бронь... В Улан-Удэ и Кяхте некоторых девушек призвали.

Много грущу о тебе. Очень скучаю. Поджидаю тебя вечером у окна, вспоминаю...».

«24 июля 1942 года. Казань.

Судьба Миши неизвестна. Отцу выслали с передвижного госпиталя все

документы и фотокарточки сына, но не написали, что с ним. Писем нет полгода. Родители в горе. Где он? Умер от рак!, эвакуирован? Я написал в его часть... Хочется утешить родителей.

Мы вместе были в Москве перед отправкой на фронт и договорились: в случае гибели кого-либо из нас оставшийся в живых сообщит об этом родителям и приедет лично к ним. Он перед моими глазами, Миша. Идет в Москве по тротуару, веселый, сильный, а его полевая сумка (кожаная, на походном ремне) хлещет по боку.

И вот мы в штабе дивизии. Так хотелось попасть в одну часть. Я предлагал: напишем заявление, что имеем хотим громить немцев. Он хороший пулеметчик, я стрелок. Но он «Наверное, нас не пошлют». А через минуту: «Старший лейтенант Михалев, вот ваш азимут». Несколько человек направлены в какую-то часть. Следом и моя очередь. Попрощались, пожали руки, но не как перед боем, а словно ни один день. Он вышел раньше меня и пошел...

Разве я думал, что расстаемся навеки?».

«12 июня 1942 года. Усть-Кяхта.

Любимый мой!

Письма твои храню все до одного. Вернешься с войны, будем перечитывать их вместе. В предстоящем году у меня первый класс. Да, Иван Илларионович, приглашаю вас на выпускной вечер семиклассников. Он состоится... завтра, 13 июня. Будут родители, председатель колхоза. И конечно, будет баян, танцы. Из 15 учащихся выпускаем 12. С продуктами, сам понимаешь, плохо, «с миру по нитке». Ваня, пришли фотографию, любую. Я так соскучилась по тебе».

Фотографии она так и не дождется. Два года Иван Коновалов не то, что фотографироваться — зеркала в руки не брал. Не мог видеть чужое лицо. Своими были только глаза. Долго привыкал к себе, другому, ощупывая по ночам лицо. Больничная эпопея растянулась на долгие месяцы. Перенес несчетное число операций. Удручало то, что - его признали негодным к службе. Он не мог носить противогаз, бегать (затруднено дыхание). Вдобавок на будущее доктора настоятельно рекомендовали ему (сибиряку) пожизненную «южную» прописку: лоскуты живой ткани, из которых сформировано лицо, не выносили низких температур. Забегая далеко вперед, скажу: несмотря на предостережения врачей, он вернулся в родное Забайкалье с его 30 — 40 градусными морозами. Не мог оставить мать, получившую за войну четыре похоронки на сыновей. Не мог не вернуться к любимой. И сегодня спустя сорок с лишним лет, война не отпускает его. В зимние дни односельчане узнают ветерана не только по высокой статной фигуре, солдатской выправке, сохранившейся от военных лет, но и по неизменной былой повязке на лице.

Вернемся в осень сорок второго года, когда из-за необходимости сложных пластических операций. Ивана Коновалова отправляют в госпиталь в Самарканд.

«20 октября 1942 года. Самарканд.

Любимая! Ты уже знаешь, что я нахожусь в Самарканде. У меня серьезные

осложнения. Нужны пересадки, наращивания. Дорого обошлась мне та мина. Потерял в весе 8 килограммов. Но, думаю, все это поправимо. Мечтаю снова вернуться на фронт. Надо освобождать и тех, кто томится еще в концлагерях, под пятой фашистов».

Без даты. «Усть-Кяхта.

Теперь я знаю, что ты еще не скоро вернешься, и пишу тебе ежедневно. Может быть, не я, так письма мои помогут тебе. Допустила перерыве переписке, надеясь на твое скорое возвращение. Ты, удалый парень, не сообщил мне, сколько времени будешь в госпитале. Я по-прежнему жду тебя. Буду встречать как любимого друга, как моего героя Отечественной войны. У Зины, учительницы, в январе погиб муж, больно было даже видеть горе подруги. Чем поможешь? Многие фронтовики вернулись по ранению. Встретился ли ты с братом Андреем?».

Младший политрук Андрей Коновалов направлялся на Сталинградский фронт через Казань. Они должны были встретиться, но не встретились. До сих пор хранит Иван Илларионович телеграмму от брата — узкие полоски бумаги с текстом, наклеенным на листочке из школьного учебника математики на татарском языке: «В Казани буду двадцатого — двадцать первого. Андрей», напоминая о той несостоявшейся встрече. Здесь же письмо от Андрея. «Теперь мне все стало ясно о твоём ранении. Ты де печалься, что пока не удастся восстановить утраченное здоровье. Но ты прав, что требуешь от врачей новой операции. Ведь ты же боевой командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и медицина обязана помочь встать в строй командиру-фронтовику. Я не буду писать о твоём ранении никому, тем более домой. Буду знать только я.

Андрей». «16 июня 1942 года. Кяхта.

Ваня, любимый!

Нахожусь в Кяхте. Почти год не была здесь, приехала по делам. Внешне Кяхта не изменилась. Город такой же, как три года назад. В педучилище встретила старых знакомых. Как водится, спрашивают, где Ваня? Вечером сходили в кино «Фронтовые подруги». Сейчас пойду к Насте Осиновой. У нее двое ребят. Муж погиб на фронте. Не видела Настю, как расстались в 1939 году».

«19 июня 1942 года. Кяхта.

Сходила к Насте. На себя не похожа. Такая измученная, исстрадавшаяся. Все думает о погибшем муже. Она с детьми (Томе — 4 года, Эмме — 1,5 года) уезжает на родину мужа в его родной город Горький. Сочувствую ее большому горю. Многих из наших ребят уже нет в живых. Их имена передаются из уст в уста. Как можно поверить, что не стало (фамилии зачеркнуты — Н. К.) таких ребят. Пришли с фронта Ганжуров, Цыбикиов».

«22 июня 1942 года. Усть-Кяхта

Нам с тобой надо установить ежедневную связь, как Совинформбюро. Мы встретились с тобой в Кяхте в сентябре 1938 года. Какие это были счастливые дни нашей юношеской дружбы и любви! Помню, как ты спросил меня однажды:

«Скажи, любишь ли ты меня?». Тогда я не могла ответить сразу. Сейчас могу ответить без колебаний: «Люблю». Помню январские встречи 1939 года. А интересно, чем мы друг другу понравились? Ты, конечно, видный человек был. Я же отсиживалась в четырех стенах и была совершенно незаметной. Все остальное было так неожиданно для меня.

Воскресенье. 6 сентября 1938 года. Городской парк. Идет концерт. Боец-артист имитирует птичьи голоса. Много народа. Я стою одна около березы. Подходит твой друг — Кеша Игумнов (он убит, Ваня): «Хочу познакомить тебя, Зоя, с моим лучшим другом». Потом первая «шутейская» прогулка с тобой...

Ваня, я люблю тебя!».

«2 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Вспоминаю мирные дни прошлого сорок первого года. Окончился учебный год, еду домой и все мысли, мечты и стремления проникнуты воспоминаниями о тебе. Воскресенье 22 июня 1941 года прервало эту мечту, и все планы война переложила на мирное время. Но война не кончена. Я знаю, что ты пока слаб, но если надо, ты встанешь в ряды. Действую, шей армии. Мне и во сне не снилось, что ты куришь. Ваня, мне тоже не хватает настойчивой энергии переносить как подобает свои неудачи. Мне кажется, что я маленькая-маленькая по сравнению с настоящими людьми. И мне хочется взять все хорошее у этих мужественных людей.

До свидания. Письма твои получаю аккуратно. Не кури, прошу тебя».

«9 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Написанное тебе письмо от 2 июля осталось не отправленным. И потому только, что в нем я высказала недовольство своим существованием. В общем письмо такое, в упадочническом духе. Написала и думаю, зачем же отправлять такое письмо. Как ты себя чувствуешь? Читала твоё замечательное письмо и видела тебя, своего героя, любимого друга. Я оказалась счастливой в любви и живу потому, что живешь ты. Что скрывать, наблюдая других, удивляешься порой несерьезности отдельных девушек и жен».

«11 июля 1942 года.

Усть-Кяхта. Ты пишешь, что можно создать веселье в нашем небольшом коллективе. Не опровергаю. Но меня устраивает не веселье, а фот эта грусть. Ведь я скучаю не потому, что в Усть-Кяхте нет театров, а потому, что нет тебя. И если, допустим, я жила бы где-то, где можно забыться, я, наверно, и то предпочла бы быть одна».

«15 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Вот и вечер. Живу одна. Иногда пою, но больше молчу. Почему я не могу быть около тебя, помогать тебе? Только остается благодарить весь медперсонал да пожелать счастливого исхода. О нас не беспокойся. Тяжело расставаться даже с письмом к тебе».

«31 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Работа у меня хоть и кропотливая, но интересная, с первоклассниками.

Вторая моя работа — агитучасток. Приехать к тебе не могу. Расстояние большое. Сам понимаешь, нужно ехать обеспеченной продуктами, не говоря о денежных средствах. Не пускайся на риск, а, обдумав, ты согласишься со мною, Представлять поездку в виде прогулки не приходится.

Правда, Надя доехала до Горького быстро, за 13 дней. Почему снова операция?».

«22 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Обстановка у меня в эти дни такая уединенная, что ничто не мешает моим размышлениям и воображению.

Имеешь ли сведения о ребятах на фронте, Мише Михалеве, Новоженове, Игумнове и других?».

«13 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

В колхозе предвидится неплохой урожай, Идут дожди, все быстро растет. Приезжай, накормлю мною выращенными огурцами и помидорами. В воскресенье смотрели пьесу «Женитьба». Да, я своим написала, сообщила им наше с тобой решение. Время час ночи. Сижу одна в сельсовете, дежурю. Занимаюсь письмами, мечтаю. Жду я люблю тебя».

«28 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Усть-Кяхта заимела своих собственных артистов. В самодеятельность входит молодежь, не исключая учителей, и воинская часть Мостостроя. Руководит хорovým и музыкальными кружками композитор Симонов. Уже было первое выступление, перед колхозниками выступили очень хорошо. Думаю, к твоему приезду стану солисткой (шутя)».

«30 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Скоро 6 сентября, годовщина нашего знакомства. Вспомни ты в этот День о нашей первой прогулке.

От Кости Климовича ничего нет. Шикунев на фронте».

Летом сорок второго года Зоя Ивановна переехала в Улан-Удэ, к матери.

Н. КОРОБЕНКОВА.
Продолжение следует.